

П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для педагогических и учительских ин-тов.—М., Учпедгиз, 1952. 312 стр.

Выступление И. В. Сталина по вопросам языкознания создало перелом в истории науки о языке, заложило твердый марксистский фундамент теории лингвистических явлений, оказало и, несомненно, еще окажет в очень многом мощное влияние на развитие различных сторон советского языкознания.

Одна из очень серьезных задач, стоящих сейчас перед языковедами нашей страны, — обеспечить высшую филологическую школу новыми учебниками по важнейшим предметам преподавания, учебниками, которые должны отразить происшедшие в нашей науке сдвиги исключительного значения и поднять на новую, высшую ступень преподавание целого ряда филологических дисциплин. Естественна поэтому тот напряженный интерес, с которым встречается в кругах специалистов каждая книга, предназначенная служить этой цели, и те строгие требования, которые должны быть к ней предъявлены.

Книга проф. П. Я. Черных, много работавшего по истории русского языка и вполне подготовленного к тому, чтобы выступить с обобщением своего авторского и преподавательского опыта, не имеет официальной апробации в качестве вузовского учебника или даже вообще пособия для высшей школы. Это, однако, мало меняет дело по существу. Книга издана Гос. учебно-педагогическим издательством, выпущена большим тиражом и, как указано на титульном листе, прямо предназначена для педагогических и учительских институтов. Следовательно, на рецензента ее падает обязанность оценить книгу прежде всего в аспекте учебно-методическом. Самое серьезное право на внимание имеет при этом и собственно научная сторона книги.

Книга проф. Черных охватывает большой исторический материал по русскому языку и в некоторой мере ставит себе задачей осветить факты русского языка также в аспекте сравнительном. Последний, впрочем, сильно ограничен, поскольку привлекаемый материал почти не выходит за пределы славянских языков и сводится главным образом к сопоставлению русских фактов со старославянскими. В книге освещен материал, относящийся к фонетике и морфологии (почти исключительно — к склонению и спряжению), некоторое внимание уделено наиболее характерным явлениям исторического синтаксиса (стр. 258—279) и есть совсем небольшая глава, трактующая вопросы развития словарного состава языка (стр. 280—306). Богато по охвату вопросов «Введение» (стр. 3—64). В нем рассматриваются предмет и задачи истории русского языка, понятие «русский язык» (литературный русский язык и говоры), вопросы об отношении русского языка к другим славянским и о древнейших судьбах восточного славянства и характеризуются основные источники исторического изучения русского языка. Таким образом, вовсе не вошел в книгу только материал, относящийся к истории русского ударения; мало затронуты также вопросы словообразования (выходящие за пределы того, что относится к наиболее общим категориям — степеням сравнения, виду, залогу и т. п.). На последних страницах книги даются краткие сведения о развитии исторической грамматики русского языка и о наиболее важных пособиях для углубленного изучения курса (стр. 302—306).

О своих методических установках автор не говорит (к книге нет предисловия). А между тем о них следовало бы сказать несколько слов, тем более, что учебник проф. Черных в методическом отношении в большой степени оригинален, и у автора, надо думать, было что сказать о своих методических установках. Методические качества книги мне представляются приблизительно такими. Это — пособие для высшей филологической школы несколько сниженного типа, более подходящее для учительских, нежели для педагогических институтов, хотя и в них оно тоже может быть использовано при отсутствии других, более серьезных пособий или при наличии только «трудных» пособий. Учебник может также достигнуть своей цели и как пособие-самоучитель, т. е. ввести в историческую грамматику русского языка студентов, которые относительно твердо знают старославянский язык и достаточно подготовлены по курсу «Введение в языкознание». Но более полезно, по-настоящему полезную книгу окажется главным образом как пособие к хорошим лекциям, в которых будут сообщаться некоторые основные сведения по истории языка с элементами сравнительного языкознания, преимущественно в пределах славянских языков.

Автор явно хотел сделать свою книгу и занимательной, и легко читаемой. Того и другого он в большой степени достиг, не уклонившись при этом от рассмотрения многих трудных вопросов, мимо которых он не прошел ввиду их важного значения. Установка на доступность изложения, как только что отмечено, автором, мне кажется, достигнута, и не следует ставить ему в серьезную вину нередкий и у других популяризаторов грех излишней иногда разговорности слога, мало воспитывающей в читателе серьезный подход к важным объектам мысли.

Как почти все вышедшие до сих пор пособия по истории русского языка, книга П. Я. Черных не содержит сколько-нибудь подробной характеристики древнерусского правописания или, тем более, описания собственно палеографической стороны

памятников. Некоторые необходимые замечания о древнем правописании даются в книге лишь попутно с изучением соответствующих явлений фонетики; так же коротко автор знакомит читателей с важнейшими моментами, относящимися к древнерусскому письму (§ 24—«Краткие сведения из палеографии», стр. 56—58. Ср. и стр. 87—93, на которых рассматривается вопрос о старославянских алфавитах и их судьбе у восточных славян). Иллюстративный материал в книге невелик, но в общем может считаться достаточным. Соответствующие выдержки даются без точных указаний на источники и преследуют, таким образом, лишь элементарную цель.

Важное не только в методологическом, но и в методическом плане указание И. В. Сталина: «...нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹ — реализуется в книге относительно слабо. Довольно широко и со знанием дела для целей сравнения в книге привлекается главным образом старославянский материал; материал других славянских языков привлекается редко и притом не всегда удачно (см. об этом ниже). Остальные индоевропейские языки привлечены к освещению русских фактов совсем мало, в чем, видимо, сказывается принята автором методическая установка: очерк рассчитан на читателей без подготовки по классическим и другим особенно важным для сравнительной грамматики языкам. Меньше всего может удовлетворить читателя, — что, впрочем, в большой степени зависит от общего состояния нашей науки, — часть книги, относящаяся к историческому развитию русской лексики.

В книге хорошо изложен ряд вопросов, не легких для популярного истолкования. Параграфов, заслуживающих в этом отношении одобрения, значительно больше, чем таких, которые могут считаться недостаточно обработанными. Поэтому, отмечая параграфы особенно интересные или удачные, я в ряде случаев не буду касаться других параграфов, имеющих большие научно-методические достоинства.

Удалось автору содержательные и четкие вступительные главы (см. главы 1—5); в § 28 главы 5-й автор излагает с хорошим знанием фактов и доступно сведения об иностранных передачах старорусских слов, причем в полной мере обнаруживает критический подход к материалу. Из отдельной исторической морфологии очень удачным мне представляется § 85 «Указательные местоимения» с большим, свежим, хорошо освещенным диалектным материалом и с хорошо подобранными параллелями из памятников. Толково и, насколько это возможно, интересно изложены исторические сведения, относящиеся к спряжению (стр. 211—252). Отмечу, впрочем, свое решительное несогласие с замечанием на стр. 225, будто «возможно, что в языке фольклора в таких случаях, как „пролегла лежит широкая дороженька“ (как бы „пролегла“ лежит), еще сохраняется память об употреблении этих форм в функции о п р е д е л е н и я». Случай, о котором идет речь, — самая типичная синтаксическая контаминация двух способов выражения, типичная именно для фольклорной манеры.

В отделе «Из исторического синтаксиса» без больших претензий на глубину истолкования, но интересно и со знанием материала изложены параграфы, трагующие своеобразные типы древнерусской сказуемости (§ 114—122). Хорошо и четко автор знакомит читателя со «словосочетаниями с приставочным глаголом и с беспредложным дополнением» (§ 121), хотя самое заглавие «с приставочным глаголом» не вполне оправдывается содержанием параграфа, в котором параллельно трагуются случаи беспредложного управления, где в настоящее время возобладало предложное. Нередко автору удается просто и четко изложить довольно сложные фонетические вопросы, например — иотации; удачным вышел у него и § 60 («Судьба сочетаний *ш'ч'* и *ж'д'жв'*). Содержательный § 54 хорошо ориентирует читателя в вопросах, относящихся к аканью.

При ряде определенных достоинств книги проф. Черных в ней, к сожалению, немало такого, что следует отнести к более или менее серьезным недостаткам. Но прежде чем перейти к ним, подчеркнем, что автор, видимо, хорошо знает древнерусские памятники (главным образом XVII в.), и это дает ему возможность более или менее часто привлекать к своему изложению свежий и интересный материал. Особенно многочисленны, — это это понятно, — у автора выдержки из «Уложения» царя Алексея и «Жития» Аввакума. Располагает он также довольно интересным материалом из северо-русских говоров и применяет его часто с пользой для дела. Укажу хотя бы такие отмеченные им интересные явления: звательную форму единственного числа при обращениях во множественном в памятниках XVI в. (к сожалению, без ссылки на источник): «Пожалуйте, господине посадники и ратманы...» и т. п. (стр. 148); затемненные остатки звательной формы (стр. 143); иллюстрации к первоначальной независимости *э* (*e*) в *этот* (стр. 195—196); иллюстрации к первоначальному составному характеру *покаместа* (стр. 277); пример перерождения звуковой стороны союза *только > токо* в одном документе XVII в. (стр. 276).

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33—34.

Думаю, однако, что нельзя по таким серьезным вопросам, как локализация важнейших памятников, бросать вскользь ничем решительно не аргументированные замечания, вроде того, которое находим на 52 стр., будто Добрылово евангелие написано «не на юго-западе, как многие думают, а на севере». Считает ли проф. Черных не оправдавшим себя в качестве приметы южнорусских памятников «новый *ъ*»? Если так, то как с этим согласовать то, что говорится им же в § 44 о «новом *ъ*»? Странно встретить в рецензируемой книге и такую грубую неточность (стр. 54), будто «к XV в. ...относится Ипатьевский (южный) список летописи, составленный около 1425 г.». Редакция в этом выражении смешана со «списком»: Ипатьевский список летописи начала XV в., как, вероятно, хорошо известно и проф. Черных, — севернорусский, предположительно — псковский.

При общей методичности автора в трактовке фонетических закономерностей, странно и неудачно звучит его замечание на стр. 161: «Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к*, *г*, *х* под влиянием других падежей согласные *к*, *г*, *х* с доисторического времени сохранились без изменения в *ц*, *з*, *с* — в нарушение закона так называемого второго смягчения (см. § 55)». Данная в § 55 глухая ссылка на аналогичное утверждение Б. М. Ляпунова ничего в этом отношении не объясняет и не оправдывает.

Без нужды усложненно и неясно изложен вопрос о рефлексии начального *пе* (§ 32, стр. 72—73). Если прямо указать на то, что эта рефлексия не имела места перед слогом с *ь*, а только перед слогом с *и* или *е*, и четче, чем это сделано в книге, отметить второе условие — что перехода *е* в *о* не было перед ударением на третьем слоге с начала, почти все станет на свое место, в том числе и *есенья*, *есенья* (которые, впрочем, можно понимать также как диалектные формы, получившие свое начало еще *е* из *о* просто в результате позднейшей ассимиляции). Фамилию *Есенин*, если она действительно по своему происхождению имеет что-либо общее с *осенью*, легко объяснить местным сближением с ассоциативной парой — *весенний*. Диал. *лезеро* «озеро» мало полезно в данном контексте как плохо проверенный факт (из **lězerd* — мн. ч.?), и без него здесь лучше было бы обойтись вовсе.

Исходя из методологической необходимости четко проводить понятие фонетического закона, не могу с сочувствием отнестись, например, и к ограничительным замечаниям автора об отражении *ъ* в виде *и*, которые автор делает в § 51, приводя примеры типа *воинский*, *поимка*. Здесь представлен результат вхождения в литературный язык новообразований церковнославянизированного типа, и об этом следовало определенно сказать. На стр. 253 автор неосторожно объясняет фонетически возникновение *меж* из *межу*. Вряд ли им может быть указан тот фонетический закон, по которому осуществилось здесь опадение *у*. Здесь следовало бы говорить о судьбе конечных «несемасиологизированных» (по терминологии Боуэна де Куртена) гласных. Малоубедительно обращение автора к грамматической аналогии или, как он выражается, «подравнению» при объяснении известных исключений из закономерности отражения звука *ъ* типа *г'овада*, *в'овды* (стр. 114), тем более, что эти исключения давно и хорошо объяснены путем уточнения конкретных условий, в которых они должны были осуществиться исторически.

Различного рода неточностей в книге больше, чем позволяет даже принятая автором установка на упрощение предлагаемых сведений. Неверно передано, например (§ 44), известное наблюдение А. И. Соболевского, что в галицко-волынских памятниках со второй половины XII в. этимологическое *е* в закрытом слоге с выпавшим или отпавшим *ь* заменяется через *ъ* — написание, соответствующее украинскому отражению *е* в таком положении в виде *і*. П. Я. Черных, говоря об этом явлении, расширяет условия его реализации и пишет: «... в положении перед слогом, заключающим „слабые“ *ъ* или *ь*...» (стр. 101), т. е. тем самым снимает существенный для истории украинского языка и диалектологии вопрос, как этимологическое *е* отражено в говорах украинского языка перед твердым согласным². В изложении вопроса о появлении *н'* в косвенных падежах местоимений после предлогов в результате «переглаголжения» — *съ нимъ* и т. п. (стр. 192) — совершенно выпадает объяснение мягкости этого *н*, так как не приводится указания на наличие *ј* в беспредельных формах местоимений: *jego*, *jetu* и др.

Не всегда легко бывает провести достаточно определенную границу между тем, что в книге можно отнести к неточностям, и тем, что следует характеризовать как прямые ошибки. Думаю, что к последнему роду недостатков книги надо отнести, на-

² Украинские факты дают достаточно серьезные основания видеть в них соответствие показаниям памятников относительно «нового *ъ*»: *е* > **ē* > *ъ* не перед твердым согласным. Об этом см. в моей статье «З історичних коментаріїв до української мови. Голосні повного утворення», «Наукові записки» Київського державного ун-ту. т. V, вип. I, Київ, 1946, стр. 103 і сл. Ср. также «Курс сучасної української літературної мови», т. I, Київ, 1951, с. 265 і сл.

пример, такие случаи: П. Я. Черных справедливо отбрасывает обычное толкование названия порога *Veruzi* у Константина Порфирородного как «кипящий» на том основании, что в причастии от глагола *въръти* не могло быть *-у-*, но тут же допускает ошибку, говоря (стр. 74), что «...от этого глагола причастная форма звучала *въръжици* (писалась с йотированным юсом большим)», тогда как известно, что глаголы IV класса (*-i-*), к которым относятся *въръти*, в основе причастия имели новое *e* (юс малый).

Неверными являются данные, сообщаемые на стр. 248, относительно *нн* в страдательных причастиях, и заключения, сделанные только на основании «Уложения» 1649 г. (ср., хотя бы, материал, приведенный в моем «Историческом комментарии к русскому литературному языку», 3-е изд., Киев, 1950, стр. 207). Никак, кроме всего прочего, не приемлемо по общелингвистическим основаниям и объяснение, будто «именно превращение этих причастий с суффиксом *-н-* в прилагательные и необходимость восполнить эту утрату в системе глагольных форм послужили причиной появления новых причастных образований с двойным «*нн*». Где и когда наблюдались такие «восполнения» с целевым введением в фонетическую систему языка удлинения согласных? Не совсем точно, будто «притяжательные прилагательные употреблялись только в краткой форме» (§ 77), хотя, действительно, отклонения от этого правила в древнерусском языке редки; ср.: «Княгини же Романова ... *блжа* в Володимерь» (Ипат. лет., 6711 г.); «Княгини же Романова посла Мирослава ко Лесткови» (там же, 6713 г.). (Ср. и А. И. Соболевский, Материалы и исследования, 1910, стр. 256.)

Нельзя, конечно, учить тому, что частица *ся* «очень часто, особенно в начале фразы, ... предшествовала глаголу» (стр. 240): в начале фразы *ся* вообще никогда не употребляется, и естественно, что из всех приведенных примеров нет ни одного, который бы подтвердил это положение. Странно звучит и замечание (на той же странице): «В Ипатьевском списке летописи встречается: „(он) *жалова* на кыяны“ (*жаловаяся*, т. е. при отсутствии прямого дополнения)...». Не хочет ли проф. Черных сказать, что залоговая частица — «прямое дополнение»?

Автор вводит своих читателей в серьезное заблуждение следующим замечанием на стр. 238: «Глаголы на *-ыва-ти, -ива-ти*, получившие, кроме русского и других восточнославянских языков, широкое распространение также в польском, развились на почве так называемых итеративных глаголов... на *-а-ти, -ја-ти*». В украинском языке вовсе нет таких образований, кроме тех, которые, может быть, встречаются в смешанных говорах; правило же для этого типа глаголов составляют приметы — *-увати* (в говорах и *-овати*), *-ювати* (в говорах и *-евати* и т. п.) без мены корневого гласного. Для белорусского языка характерен в этих случаях в первую очередь суффикс *-а-* с меной и без мены корневого гласного: *адскакаць, адскокаць* «отскакивать», *затоўваць* «заталкивать» и т. п. (ср. даже аналогическое *затоўваць* «затаивать»). Существует мнение (А. А. Шахматова), будто образования на *-ывати, -ивати* по своему происхождению — явление общерусское. Но как бы ни решался этот вопрос в конечном счете (я лично не вижу для подобного предположения убедительных оснований), несомненно, что ссылаться на современные факты, кроме русского языка, автор права не имел.

На стр. 252, излагая материал, относящийся к супинам, автор своими переводами древнерусских выражений с супинами *питъ* и *мытъся*, как *выпить* и *помыться*, внушает читателям неверное представление о важной морфологической особенности этих образований, частично определившей, вероятно, их исчезновение в дальнейшем. Супины, как правило, не производились от глаголов совершенного вида, а в подавляющем большинстве случаев — от несовершенного, в связи с чем даже в своей функции — обозначать цель — они открывали инфинитивам, как значительно более удобному средству передачи и этого значения, возможность установиться в качестве единственной формы этого рода.

Неудачным представляется мне § 132, в котором автор знакомит студентов с «формами словообразования». На нескольких страницах (291—295) проф. Черных пробует изложить одну из больших областей исторического языкознания. Делает он это спеша, рывками — без нужных объяснений и без той углубленности в предмет, без которой его анализ форм не приобретает нужной убедительности, а иногда даже и простой вероятности. Автор многого требует от читателей, если надеется, например, на их доверие к такой неудачно придуманной им форме, как *дѣтсктво*, из которой в дальнейшем возникает форма *дѣтство* «вследствие переразложения основы и фонетического упрощения» (стр. 294).

Из того, как характеризует придаточные условные предложения П. Я. Черных (§125), у читателя создается неверное мнение, будто *a* — условный союз; между тем союз этот полностью, даже когда он начинает придаточные условные предложения, сохраняет свою присоединительную или противительную функцию (он не может по сути дела начинать фразы, если не имеется в виду продолжения того, о чем говорилось раньше), а условность при нем выражалась, повидимому, в основном, интонацией и порядком слов; в них, а не в присоединительном союзе, надо думать, и заключалось существо указания на условный характер соответствующего придаточного предложения.

О своих научных несогласиях с проф. Черных, относящихся к вопросам, где нужен долгий, с большим количеством аргументов, спор, говорить сейчас не буду. Позволю себе только заметить, что считаю, вопреки его мнению (стр. 158), доказанной для двойственного числа *о*-основ циркумфлексную интонацию окончания, подтверждаемую словенскими и кашубскими (словинскими) данными, и потому не могу согласиться с тем, что *roga* — «пережиточная» форма³.

Среди недостатков книги приходится упомянуть и о фактах, объясняемых недосмотром. Вот два особенно досадных: 1. На стр. 146 идет речь, о том, что «в женском и среднем роде... возможны сочетания *дві, три, чотири* с именительным мн. ч., но иногда употребляются и старые формы *д в о й с т в е н н о г о* числа». Среди верных иллюстраций вдруг оказывается совершенно не относящаяся к установленному положению — «*на тім морі* (в песне)». — Замечу мимоходом, что *на тім морі* незачем искать в песне — это сочетание слов, вполне обычное для украинского языка любого стиля. 2. Упоминаемый на стр. 282 *колокол* попал, очевидно, по недосмотру, среди «новых названий для зверей и домашних животных» (между *белкой* и *псом*). Естественна догадка, что имелось в виду какое-то замечание о *кошке* (и что в таком случае *колокол* — просто опечатка). Но последнее слово требовало бы, по крайней мере, нескольких дополнительных замечаний (*кот*: др.-русск. *котъка*, укр. *кітка*, но русск. *кошка* и т. п.) и плохо укладывается в контекст.

Думаю, что только недосмотром надо объяснить и то, что в современные русские имена попало имя *Свенелд* (стр. 298): «Вот почему в современном русском языке не сохранилось ни одного достоверно норманского слова, если не считать некоторых личных имен: *Ольга, Игорь, Свенелд*, возможно, *Олег*». Кстати, почему «возможно, Олег»? Есть ли для сомнения в этом отношении какие-либо основания? К приведенному перечню вполне уверенно можно присоединить и имя *Глеб*, норманское происхождение которого доказано М. Фасмером. Если при слове *коровой* верно отмечается (стр. 281), что его соответствия отсутствуют в западнославянских языках, то почему при слове *сапог*, вовсе неизвестном вне восточнославянских языков, на это не указано тут же?

Не всегда иллюстративный материал в книге служит доказательством того, что хотел бы обосновать автор: на стр. 30, где приводятся украинские и белорусские формы с *ц, з, с*, возникшими исторически в результате чередования с *к, г, х*, напрасно приведено украинское повелительное наклонение *печи*; эта форма представляет аналогичскую замену старого *пеци* (*пѣци*) и, конечно, никак не иллюстрирует старину, которая имеется в виду. На стр. 151 в качестве примера вин. падежа мн. числа одушевленных имен в форме род. падежа приводится из «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку синтагма («выпрошати *волхвовъ* и *кудесникъ*»). Пример этот ненадежен, так как глаголы этого корня в древнерусском языке нередко управляли родительным падежом (ср. указанный выше «Исторический комментарий», стр. 248).

На стр. 236 утверждается, что «в украинском языке старые формы повелительного наклонения сохранились гораздо лучше, чем в русском». Но все приведенные примеры относятся к I классу глаголов; автор, повидимому, упустил из виду, что в украинском языке IV класс глаголов (класс *-і-*) как раз представляет новообразование — рефлекс старого *ь* во мн. числе: *хвалитъ, судитъ*, тогда как в русском этот класс сохраняет старину: *хвалите* и т. п.; кроме того, из собственных же примеров П. Я. Черных ясно, что украинское окончание мн. числа *-ть* новее русского *-те*. Кстати замечу по поводу приведенной здесь формы *відповіди*, что так по-украински не говорят (изредка возможна архаическая форма мн. числа *відповідисте*).

Происхождение оборота «именительный с инфинитивом» автор выводит, насколько это можно понять (см. третий абзац стр. 266), из безличных и родственных им конструкций, но далее указывает, что «в других говорах употребление этого оборота, видимо, не зависит от упомянутого условия», а в качестве иллюстрации этого положения приводит пример «некому *пецка истопитъ*», т. е. именно безличный оборот с инфинитивом, зависящим от *некому*.

Из области отдельных славянских и балтийских языков отметим следующее. Трудно согласиться даже с осторожным замечанием автора (стр. 29), будто «русский язык отличается от других восточнославянских языков, особенно украинского, главным образом в лексико-семантическом и фразеологическом отношении» и будто «в фонетико-грамматическом отношении русский язык в целом (литературный и разговорный) отличается от украинского и белорусского, может быть, менее заметно, но на самом деле не менее существенным образом». Вспомним, хотя бы, какое своеобразие придает украинской речи даже один переход *о* в *і* в закрытых слогах. О лексических различиях русского и украинского языков следует говорить, дифференцируя при этом русский материал по гово-

³ Подробно об ударении таких форм см. в моей статье «Интонация и количество форм Dualis именного склонения в древнейшем славянском языке», «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 4, стр. 301—306.

рам, поскольку южнорусское наречие гораздо ближе в этом отношении к двум другим восточнославянским языкам, чем севернорусское.

То, что говорится в книге на стр. 70 по поводу рефлексов древнейших славянских носовых в современном польском языке, не свидетельствует о достаточном знакомстве автора с причинами (условиями) нынешнего распределения фактов, которые не могут быть правильно поняты без учета древнейшего («праславянского») места ударения и отчасти (по отношению к *гасзка*) старых интонаций⁴. Могут только выразить серьезнейшее сомнение по поводу того, будто вместо носового *e* в восточнославянском произношении, как говорится на той же стр. 70, установилось «сначала, повидимому, *e* (сохраняющееся в некоторых северноукраинских говорах)». Убедительна точка зрения уже А. А. Шахматова на диалектные русские и украинские *e, ä* вместо ожидаемого *'a* из носового *e*. «Эти *e, ä*, — писал он, — несомненно, нового происхождения; они явились в результате изменения звука *a* (не только из *ę*, но также из исконного *a*) после мягких согласных, а частью только между двумя мягкими согласными»⁵.

В книге, где относительно много этимологического материала, естественно, не может не привлечь к себе внимания степень критицизма, с которым автор подходит к этимологии. Конечно, по существу самого дела, среди привлекаемых автором этимологий мало его собственных. Но и они представляются мне обычно в большей или меньшей мере сомнительными. Сомневаюсь, например, что *горшок* из *горшок* действительно правильно объяснено сопоставлением его с *горсть* (стр. 134) вопреки обычному объяснению из *горн* (см. этимологические словари Бернекера и Преображенского). Совсем сомнительна догадка, будто частица *-су* возникла из *слышу* (стр. 255). Удивляет замечание: «Некоторые языковеды пытаются вывести *су* из *сударь* (уже без всякого основания)». Если начать не с примеров из Аввакума, как делает автор, а как это сделал А. И. Соболевский, со старейших — с царского слова Бориса Годунова⁶, то явится полное основание именно для этимологии *государь*: «князь Федор-осу Иванович, князь Дмитрий-осу Иванович».

Но и те примеры, которые проф. Черных извлекает из имеющейся научной литературы, далеко не всегда могут быть отнесены к удачным. Вот несколько из них. Можно ли в учебнике, даже в виде не особенно уверенного замечания, допускать этимологию слова *полушка* в виде *пол-ушка*, которое «иногда толкуют, как „пол-уха“ куньего» (стр. 286). Ведь такое этимологизирование, независимо от того, от кого оно попало к автору, психологически недалеко уходит от сообщения каламбуров. Автор этой этимологии-каламбура Даль, но о научном этимологизировании он, конечно, еще не имел никакого представления, а проф. Черных ведь образованный филолог.

Напрасно принята (стр. 287) автором и догадка Преображенского о том, что *пушка* происходит будто бы от *пустить, пускать*⁷: если бы слово было по происхождению славянским, оно не являлось бы в отдельных славянских языках в тех звуковых вариантах, в каких известно; замечу, что при происхождении его от *пустить* в чешском ожидалось бы *rouška*, а не *ruška*. П. Я. Черных безоговорочно сближает русск. *тощий* с *тоска* (стр. 134), но еще Ф. Миклошич, допуская такое сближение, высказывался по поводу него только нерешительно⁸. Это сближение, и, надо думать, обоснованно, не включил, например, в свой этимологический «Балтийско-славянский словарь» Р. Траутманн⁹.

Для категорического утверждения (§ 89), что *пять* по происхождению связано с *пять* «кисть руки», по-моему, нет достаточных оснований, не говоря уже о том, что никак нельзя суффиксальное слово *пять* считать, как, повидимому, полагает автор, основным здесь для несуффиксального (со славянской точки зрения) *пять*. Что индоевропейское **pnt-is* «кулак» находится в отдаленном родстве с **penq-* «пять», об этом можно, думаю, говорить лишь сугубо гипотетически.

Напрасно проф. Черных (хотя и осторожно: «едва ли не...») допускает происхождение *тьма, 10000* с Востока (вероятно, вслед за К. Локочем и его источником): *тьма* в этом значении выступает уже в старославянском, а для последнего тюркизмы очень сомнительны. Семантически переход *тьма* > *множество* > *10000* вполне вероятен; ср. слова родственной эмоциональной окраски *страх сколько*, чеш. *spousta* «множество» и т. п.

⁴ Обо всем этом см., например, мой «Акцентологический комментарий к польскому языку», Киев, 1950, стр. 28—30.

⁵ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 111.

⁶ См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 149.

⁷ См. А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1913, стр. 157—158.

⁸ См. F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Вена, 1886, стр. 369.

⁹ См. R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Геттинген, 1923.

Не думаю, чтобы следовало согласиться с мнением автора (стр. 253), вопреки общепринятому, будто наречие-предлог *между*, *межу* в прошлом — вин. падеж ед. числа. Проф. Черных упустил из виду, что по-старославянски это слово звучит с *у*, а не с носовым *о*, следовательно, не может быть формой вин. падежа ед. числа. *Между* — форма, восходящая к двойственному числу (род.-местн. падеж). Неточна, замечу попутно, ссылка (рядом) на *около* как в прошлом вин. падеж: *коло*, конечно, вин. падеж, но по зависимости от предлога. Замечу кстати, что не всегда можно согласиться и с принимаемой П. Я. Черных динамикой и вообще связями значений. Из данных всех славянских языков ясно, например, что на славянской почве слово *доба* первоначально значило только «время», «пора»; другие производные значения наблюдаются у этого корня почти исключительно у производных же — префиксальных, реже — суффиксальных образований; что касается старославянского или древнерусского значения «польза», то это не более, как слабо документированная Срезневским догадка. А между тем автор (стр. 267) по поводу *надобь* строит семантический ряд: «на *добе*, от *доба* — польза, необходимость, „добрый час“ и пр.», — ряд, лишенный всякой убедительности. С кругом этимологических вопросов связаны и предположения, в каком языке следует видеть источник тех или других заимствуемых слов. В соответствии с популярным характером книги относящийся к этим вопросам материал дается в ней без доказательств, и потому трудно иногда бывает решить, что, например, позволило автору утверждать, будто «греки-византийцы воспользовались у (sic!) наших предков названиями некоторых овощей: *aguron* (огурец), *seuklon* (свекла) и др.» (стр. 301), а ведь и *огурец*, и *свекла* в русском языке — слова без этимологии и отмеченные только в поздних памятниках.

Книга довольно хорошо сделана в корректурном отношении, главным образом это касается старославянского набора (о других см. ниже). Автор и редактор отнеслись к этой стороне дела, видимо, очень внимательно¹⁰. Но именно поэтому особенно неприятное впечатление производят многочисленные и, повидимому, не только корректурные ошибки в примерах из других славянских языков. На стр. 81 выступает странный украинский пример *квіти* *квітять*. Очень сомневаюсь, существует ли форма *квітять* даже где-нибудь в диалектах (в литературном языке есть только глагол *квітнути* и производные от него формы). Вообще украинский материал в книге не свидетельствует о непосредственном знакомстве с ним проф. Черных: на стр. 29 без всякого замечания приводится укр. *слиза*, между тем это только диалектизм, относительно редкая форма (в литературном украинском языке и в большинстве говоров — *слеза*); *к бросати*, *бросить* даются на этой же странице украинские соответствия *кидати*, *кинути*, *метнути*, так, как будто в украинском языке нет несовершенного вида — *метати*; замечу кстати, что следует различать *кидати* и *метати*; второе значит только «бросать» — «метать» (камни и т. п.); на стр. 30 вместо *край* напечатано *краі*; на стр. 250 фигурирует (*у*) *герати* с невозможным в нынешней украинской орфографии начальным *и* (следует *i-*). На стр. 110, к тому же в подтверждение «закона», приводится украинская форма *синий*, тогда как в литературном украинском языке, как и в большинстве говоров, — *синий*. На стр. 112 вместо *мені*, которого было бы вполне достаточно для иллюстрации того, что *ъ > i*, приведено *к мені* (предлог *к* известен лишь в украинских говорах и в немногих фразеологизмах, главным образом — бранных). Что значит *чернец* в скобках при украинском слове *чорний* (стр. 116)? Откуда взято странное «украинское» ударение *свіясé* (стр. 120)? На стр. 82 приводится не существующая польская форма, транскрибируемая рядом русскими буквами как «жжодло»; на стр. 99 — тоже не существующая чешская — *deň* (следует — *den*).

Не в соответствии с тем, как эти слова пишутся (звучат) по-литовски, на стр. 82 приводятся слова: *ęgle* «ель» (параллель к не существующей польской форме *jedla*): следовало *jodla*¹¹ (искаженного написания не воспроизвожу); *gerklē* «горло» (в книге неверно обозначена интонация). Дважды (на стр. 34 и 81) проводится без прямого замечания различие между польскими формами прошедшего времени изъявительного наклонения с основой на звонкий и глухой согласный: напечатано *wiodł*, но *plotł* (стр. 34) и *wiodł*, но *plotł*, *miotł* (стр. 81). Это — ошибка: в тех и в других формах одинаково осуществлено было исторически удлинение *o*, и потому и в *plótl*, *miótl* имеем теперь *ó*, а не *o*.

Скорее на счет корректора, чем автора, нужно, вероятно, отнести другие очень нехорошо выглядящие в книге примеры из славянских языков. Процент неправильно воспроизведенных слов этого рода (кроме, как уже замечено, старославянских, корректура которых образцова) очень велик. Берем для примера 35-ю страницу. Почти половина приведенных славянских слов воспроизведена неправильно: нужно польск. не *rowny*, а *równy*, не *todka*, а *łódka*, не *rozbojnik*, а *rozbojnik*, не *łokie's*, а *łokiec'* (соскочивший надстрочный знак?), не *pirog*, а *piróg* (или, лучше, *pieróg*); серб. *kolac*, если слово дано с интонацией (все другие примеры на этой странице — без интонации).

¹⁰ Опечаток вроде *съчьнь* вм. *съчень* (на стр. 298) в книге в целом почти нет.

¹¹ Эта же ошибка повторена на стр. 81.

должно было иметь на *o* знак восходяще-краткой, а не восходяще-долгой интонации. Для чешского письма в большом числе случаев игнорируются знаки долготы (ср., например, стр. 76. 82). На стр. 70, вместо польского написания *часзжа*, фигурирует форма с не существующим в польском письме знаком носового *o*. Не говорю уже о некрасиво выглядящих знаках для закрытого литовского *e* (вм. *e* с точкой над ним — *ė*, иногда *e* с «зablудившейся» точкой, стр. 78). На стр. 114 выступает вм. серб. *мезимац* невозможное *мезимец* (впрочем, рядом стоит форма *мијезинац* — явный грех самого автора, придумавшего не существующую екавскую форму с *-ије-*, вопреки совершенно определенному акцентологическому закону сокращения былых долгот перед рефлексами былых срединных долгот).

Автор, как мы отметили, владеет искусством просто, живо и интересно излагать да же и трудный и по самой его природе «сухой» материал, однако нельзя утверждать, что в книге со стороны изложения, уже — со стороны стилистической, все хорошо. Проф. Черных, вероятно, относительно легко дается форма изложения, он себя чувствует, к тому же, по установкам книги, популяризатором, и потому он, как кажется, иногда невнимателен к строгости формы, мало заботится об отделке фразы, несколько «резво» бросает мысли вместо того, чтобы их развивать или, по крайней мере, сообщать убедительно для читателя. Не могу по размерам рецензии указать на все обращающее в этом отношении на себя внимание и ограничиваюсь минимальным количеством примеров. Трудно не улыбнуться, например, читая (стр. 116), что «древнерусские книжники не догадались воспользоваться и сочетанием *id*, получившим распространение во второй половине XVIII столетия...» (разрядка моя. — Л. Б.).

Вряд ли многим понравится пристрастие автора к выражению «чем дальше идет время, тем...» (например, на стр. 147 и 165). Во фразе, где совершенно справедливо и толково говорится о том, что изучение русской лексики в ее развитии немислимо без теснейшей увязки лексических данных с данными истории Русского государства и т. д. (стр. 10), — положение особенно ответственное, потому что отражает известное указание И. В. Сталина о том, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹², — вдруг, видимо случайно попавшее в нее, ни из чего логически не вытекающее вводное слово «пожалуй» («...пожалуй, немислимо...») едва ли не уничтожает всей серьезности принимаемого и самим автором положения.

Хочу, говоря обо всем этом, обратить внимание проф. Черных, в частности, на наречия, союзы (союзные речения) и т. п. в его переходах от одной фразы к другой: эти переходы довольно часто у него логически не обоснованы или мало обоснованы и явно попали в текст из-за отсутствия требовательности автора к логическому соединению частей более или менее развернутой мысли. Позволю себе спросить автора, что значит, например, «в этом смысле» в третьем абзаце на стр. 283 или к чему «также» в последней строчке на стр. 157?

Нередко автор отвлекает внимание читателя попутными замечаниями, которые ему (автору), повидимому, представляются интересными для читателя. Однако фактически эти отвлечения не вполне вознаграждают читающего сведениями, из-за которых стоило нарушить цельность восприятия текста. Да и сам автор, сообщая в скобках попутно те или иные сведения, не всегда достаточно внимателен к тому, что дается им в этих скобках. Даю два примера. На стр. 253, объясняя происхождение наречия *пешком*, П. Я. Черных ссылается для иллюстрации на серб. *пјешак* «пешеход» (что, кстати, не вполне можно одобрить, так как род. падеж от этого слова — *ака*, т. е. *a* здесь не из *ь*, а из старого долгого *a*, следовательно, формальная часть не совпадает с русским словом) и на русское слово *пешка*. При последнем в скобках стоит: «ср. в говорах *ужина* вм. *ужин*». Зачем здесь это последнее замечание? Речь идет ведь не о колебаниях рода, а о том, что слова **пъшькъ* теперь нет, а есть образование родственного типа. Не думает же, вероятно, П. Я. Черных, что слово *пешка* явилось вместо **пешек* «пешеход»? Называя на стр. 281 ряд общеславянских слов, относящихся к производству, обороне и т. д., и среди них слово *кый* «палка», автор заставляет читателя бесполезно задумываться над несколько странным замечанием: «ср. бильярдный *кий*, хотя здесь не подлежит сомнению и связь с французским *queue*». Что дает это замечание, когда суть дела, по мысли автора, в характеристике древнейшей лексики (кий бильярдный — слово, скорее всего, польского происхождения — *kij* —, может быть — народная этимология французского *queue*, явно поздно вошедшее в русский литературный язык).

Как бы ни были серьезны отдельные допущенные автором ошибки и неточности и как бы ни портили они впечатления от хорошей в целом и полезной книги, среди них нет таких, которые следовало бы отнести к принципиальным и трудно поддающимся

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

исправлению. В новых изданиях даже и без серьезной переработки книга может принять вполне удовлетворительный вид. С методической стороны, мне кажется, книга много выиграла бы, если к ней была, во-первых, приложена небольшая хрестоматия из древнерусских текстов, во-вторых, справочная таблица, как читать слова тех языков, которые неизвестны студентам учительских и педагогических институтов.

Книга проф. Черных выпущена 75-тысячным тиражом, и это хорошо. Учительские институты давно нуждаются в пособии по истории русского языка, которое соединило бы в себе элементы научного языкознания и доступность изложения, обеспечивающую понимание предмета и живой интерес в нем. «Краткий очерк», по моему мнению, обе эти задачи успешно решает.

Л. А. Булаховский

Вьпроси на езикознанието в сталинско осветление. Българска Академия на Науките. Институт за български език.— София. 1951. 200 стр.

Гениальные сталинские труды по вопросам языкознания создали коренной перелом в развитии науки о языке не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В частности, лингвисты народно-демократической Болгарии, как уже сообщалось на страницах «Вопросов языкознания»¹, значительно оживили и перестроили свою работу в духе основополагающих сталинских идей, приступили к решению ряда новых важных задач, к разработке новых тем, к исследованию новых вопросов. Рецензируемый сборник представляет собою лишь одно из проявлений той большой работы, которая проводится сейчас болгарскими языковедами в этом направлении. Сборник состоит из восьми статей по общему языкознанию, большинство из которых, как указано в «Предисловии», было прочитано в виде докладов и обсуждено в Институте болгарского языка Болгарской Академии наук в период с сентября 1950 по март 1951 г.

Сборник открывается статьей проф. Стойко Стойкова «Язык и общество», далее следуют статьи проф. Любомира Андрейчина «К вопросу об отношении между языком и мышлением», члена-корр. Кирилла Мирчева «Развитие языка», члена-корр. Ивана Лекова «Внутренние законы языка», акад. Владимира Георгиева «Сравнительно-исторический метод и четырехэлементный анализ Марра», акад. Стефана Младенова «Морфологическая и генеалогическая классификация языков в связи с изучением индоевропейских и урало-алтайских языков», акад. Стояна Романского «Скрещивание языков» и члена-корр. Цветана Тодорова «Проблема этнических и лингвистических единств».

Как видно из приведенного перечня статей, в сборнике довольно широко представлены важнейшие проблемы сталинского учения о языке. К сожалению, в нем нет специальных статей, посвященных вопросам основного словарного фонда и словарного состава языка, вопросу специфики грамматики и ее отношению к лексике, хотя эти темы ждут своей разработки на конкретном материале различных языков, в том числе на материале болгарского языка, и было бы очень хорошо, если бы они нашли свое отражение в рецензируемом сборнике. Лишь попутно затрагиваются (в статье Тодорова и, в меньшей мере, в статьях Стойкова и Мирчева) вопросы становления и развития национальных языков, причем — без достаточного привлечения конкретного материала из истории болгарского языка, что было бы особенно интересно. Наиболее широко в сборнике оказались представленными вопросы сравнительно-исторического метода и языкового родства. Кроме обстоятельной, охватывающей четыре печатных листа статьи Вл. Георгиева, эти вопросы рассматриваются еще в двух других статьях — Ст. Младенова и Цв. Тодорова.

В интересной статье Вл. Георгиева подробно, с большим количеством примеров, излагаются основы сравнительно-исторического метода и рассматриваются некоторые его недостатки. Автор разбирает попытки использования сравнительно-исторического метода, представленные в ранних работах Н. Я. Марра (например, его стремление доказать родство грузинского языка с семитическими и грузинского с армянским, а также обосновать кавказские этимологии, предлагавшиеся им для ряда слов разных индоевропейских языков). Автор убедительно показывает неумение Марра правильно пользоваться сравнительно-историческим методом, которое привело последнего в конце концов к полному отрицанию этого метода и к пресловутому «четырёхэлементному анализу». «Его ярость против индоевропейского языкознания, — пишет Георгиев, — растет со временем все больше и больше, поскольку научные методы в языкознании, выработанные главным образом индоевропейцами, мешают его фантастическим утверждениям. „Разгром индоевропейстики“ становится навязчивой

¹ См. «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 122—128.